

БИБЛИОТЕКА — СОКРОВИЩНИЦА ХАСИДОВ — ЛЮБАВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ПРАВЕДНОЙ РЕБЕЦН ХАНЫ,

ДА УПОКОИТСЯ ОНА С МИРОМ,
СУПРУГИ ПРАВЕДНОГО РАВВИНА, ГАОНА И ХАСИДА, КАББАЛИСТА,
НАШЕГО УЧИТЕЛЯ

РАББИ ЛЕВИ-ИЦХОКА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

МАТЕРИ СВЯТОГО РЕБЕ,
НАШЕГО ГОСПОДИНА И УЧИТЕЛЯ
РАББИ МЕНАХЕМА-МЕНДЛА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА,

ШНЕЕРСОНА
из Любавича

Выходит в свет в
“ОЙЦАР Г’А-ХАСИДИМ”

770 ИСТЕРН ПАРКВЭЙ

Бруклин, Н.-Й.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

RESHIMAS ZICHRONOS

KESUVIM BIDEI HARABANIS HATZIDKANIS
MARAS CHANA

Published and Copyrighted © 2011
by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY
770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213
(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718
editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213
(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148
www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию второй выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹.

И да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар Ёа-хасидим»
13 тишрея 5752 года
Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Ѓирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН ХАНЫ ШНЕЕРСОН

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедалы, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

2 Дата написания записок, указанная самой ребецн.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ЙОМ КИПУР

Время летело быстро, и вот уже подошел месяц тишрей. На канун Рош га-Шона и Йом Кипура выпали дни, когда мужу разрешалось получить передачи, и я очень обрадовалась этой возможности послать ему еду — мясо и рыбу, — которая могла бы хоть немного напомнить ему о праздничных трапезах, устраиваемых дома.

Перед Йом Кипуром мне под большим секретом передали, что еврей-доктор, который работал в тюрьме, на днях должен осмотреть мужа. Так и произошло: вечером на исходе Йом Кипура, уже после Гавдолы, доктор зашел в камеру мужа, угостил его папиросой (царский подарок в тех обстоятельствах) и провел с ним немного времени, наблюдая, как он ест после поста.

В один из дней месяца мархешван к нам в дом вошел молодой человек. Он поднялся по лестнице, зашел в квартиру и направился прямо в столовую, не задавая никому вопросов, как будто прекрасно знал расположение комнат. Молодой человек уселся на стул и в качестве предисловия предупредил, что если я хоть кому-то расскажу, что он здесь был, мы оба — и он, и я — окажемся в серьезной опасности.

В столовой в тот момент кроме меня находилась Рохл — девушка, которая много лет жила в нашем доме.

(Эта Рохл была настолько предана нашей семье, что умоляла энкавэдэшников забрать ее вместо раввина — она всем сердцем готова была отсидеть за него весь срок, к которому его бы присудили.)

Увидев девушку, молодой человек сказал, что ее присутствие его не беспокоит. Затем он передал привет от Лейвика Залмановича. Я не в силах выразить чувства, которые охватили меня в тот момент!..

Гость рассказал, что муж мой подробно описал ему расположение нашей квартиры, чтобы не пришлось задавать никаких вопросов соседям, которые могли бы обратить на него внимание. «Л<ейвик> З<алманович> 32 дня просидел

в одиночке³, — рассказал он, — а на 33-й день меня поместили в ту же камеру».

Этот человек был инженер-нееврей, которого выпустили из тюрьмы после шестимесячного заключения. Перед освобождением он дал мужу слово: сразу после того, как попадет домой и снимет одежду, в которой был в тюрьме, он отправится ко мне передать привет. Так он и сделал.

Они провели вдвоем в одной камере весь месяц тишрей, и гость рассказал мне, как муж провел Йом Кипур⁴:

«Его Судный день я никогда в жизни не забуду. Он целый день плакал и рыдал, читал наизусть псалмы. До позднего вечера он мне ни слова не сказал, я его не трогал, у меня не было смелости заговорить с ним».

Позже, уже в ссылке, муж рассказал мне, что, не имея в тюрьме ни сидура, ни махзора, он произносил те из святых текстов, которые помнил наизусть. Этого ему вполне хватило на весь день.

Я спросила: в чем же они обвиняют моего мужа? Гость объяснил: «Он построил «мыку» во дворе синагоги, вот это дело ему и пришили. И служка что-то на него наговорил»⁵.

Тогда и в самом деле шло обсуждение вопроса, строить ли в синагоге *микву*. *Шамес*⁶ рассказал, что раввин собрал на строительство большую сумму денег. Также на допросе он показал, что у нас дома на Симхас Тойре был организован сбор денег в помощь вдовам Тухачевского и Бухарина⁷ и что инициатива в этом начинании принадлежала моему мужу.

3 Это слово в рукописи ребецн написано по-русски.

4 Следующий абзац в рукописи написан по-русски, затем ребецн приводит его перевод на идиш.

5 Эта фраза в рукописи написана по-русски. «Мыка» — очевидно, искаженное от миква (ритуальный бассейн). Из пояснения ребецн ясно, что миква еще не была построена, раввину инкриминировали лишь намерение строить ее и сбор денег с этой целью.

6 Синагогальный служка.

7 Михаил Тухачевский (1893–1937) — советский военачальник, Николай Бухарин (1888–1938) — партийный и советский функционер. Оба были репрессированы.

Чтобы подкрепить свидетельские показания, была устроена очная ставка. Но когда *шамес* и *шойхет*⁸, который тоже был арестован, увидели моего мужа, они отказались от своих слов, заявив, что их принудили дать такие показания.

В конце своего визита инженер попросил меня найти способ — поскольку передавать записки в тюрьму запрещается — как-то сообщить мужу, один день или два празднуется в этом году *рош-хойдеш* месяца кислев⁹: «Что-то его мучает вопрос с новолунием, и это связано с праздником Маккавеев»¹⁰.

«ГРУППА ШНЕЕРСОНА»

Начался кислев. Время шло, и я все искала способы спасти мужа от судилища. Несколько раз я пыталась поговорить с начальником местного управления НКВД, но он, хотя сам был евреем, каждый раз отказывал мне с крайней жестокостью. От прокурора я узнала, что следствие намерено организовать дело о «контрреволюционной религиозной группе во главе со Шнеерсоном»¹¹. Эта новость меня ужасно испугала.

Пытаясь найти пути к спасению мужа, я отправилась в Москву с прошением на имя генерального прокурора. Отыскав его приемную, каждый день я просиживала там по несколько часов, пока, наконец, не попала на прием. Генеральный прокурор принял меня в целом доброжелательно и пообещал, что дело мужа будет пересмотрено, пролистав при этом некоторые документы из папки, на которой я успела заметить надпись: «Группа Шнеерсона». Я почувствовала, что его доброе ко мне отношение не было искренним. Тем

8 Человек, совершающий шхиту — ритуальный забой скота.

9 Рош-хойдеш месяца кислев может длиться один или два дня. Только зная, когда точно начинается месяц, можно определить день начала праздника Ханука (25 кислева).

10 Эта фраза в рукописи написана по-русски с последующим переводом на идиш.

11 Вероятно, имеется в виду рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон, шестой Любавичский Ребе.

не менее, когда прокурор сказал мне возвращаться домой и ждать ответа из его ведомства, хотелось надеяться, что результат окажется положительным.

Итак, я вернулась домой с надеждой в сердце.

ДЕЛО ПЕРЕДАНО В «ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ»!

Прошло немного времени, и поползли слухи о том, что дело мужа передано в Москву — в «Особое совещание»¹². Это означало, что «суд» над ним будут вершить четыре представителя высших военных и гражданских органов, которые заранее, еще до начала слушания дела, решили, к какой категории преступников относится обвиняемый. И это после всех прошений, которые я подавала властям, после всех телефонных переговоров с прокурором и следователем!..

В конце концов мне прислали повестку явиться в местное управление НКВД. Когда я пришла, мне сообщили, что они уже собрали все «материалы» на моего мужа и отправили их в Москву, в «Особый отдел». В заключение мне было сказано издевательским тоном: «Видите, какой великий человек ваш муж! Мы его дело в столицу отправляем».

Из всего этого становилось понятно: мужа собираются приговорить к ссылке. Для меня это было крайне неприятным предположением, с которым трудно было смириться. Согласно документам, мужу было уже под семьдесят лет¹³, и имелось заключение врачей о том, что у него «грудная жаба» (стенокардия). Я затратила много сил на то, чтобы добиться

12 См. записки, указанные в примечании 7 (в 1-м выпуске): «Мое дело было передано в «Особое совещание» НКВД. Об этом мне сообщили в ночь Гойшана раба, незадолго до рассвета, в днепропетровской тюрьме».

«Особое совещание» при НКВД СССР — внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры по результатам расследования.

13 Рабби Леви-Ицхок Шнеерсон родился 18 нисана 5688 года (1888 год по нееврейскому летосчислению), однако в различных его документах были указаны другие даты. Из одного из них явствовало, что в 1937 году (за два года до описываемых событий) ему было 66 лет.

для него специальных условий при этапировании в ссылку. После множества ходатайств я получила ответ: все будет в порядке, он доедет до места назначения здоровым. А когда я попросила, чтобы мне разрешили положить в посылку, которую я собирала ему в дорогу, более четырех килограммов продуктов, мне ответили: его здоровье настолько улучшилось, что я даже не узнаю его при встрече! А все потому, что «он съедает всю еду, которую ему дают».

Впрочем, когда уже был назначен день отправки мужа к месту ссылки, следователь все-таки сказал мне приготовить что-нибудь для него в дорогу, поскольку за все время он в рот ничего не взял из тюремной пищи...

Давиду (Вадиму) Аминову и его семье:
супруге Саре-Эльке (Стелле),
детям Даниэлю, Натану, Рахель-Этель, Мирьям-Мане
и Йосефу-Якову —
с чувством сердечной признательности

Посланники Ребе в Москве